

От редакции: В этой рубрике данного номера мы публикуем статьи молодых ученых – победителей и призеров Международной студенческой олимпиады по философии, прошедшей в 2022 г. в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. Олимпиада была организована Высшей школой философии, истории и социальных наук БФУ им. И. Канта совместно с философским факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова. Все статьи прошли рецензирование. Публикуются без перевода на английский язык.

Editorial: In this section of the issue we publish articles by young scientists – winners and laureates of the International Student Olympics in Philosophy, held in 2022 at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad. The Olympics were organised by the Higher School of Philosophy, History and Social Sciences of the Immanuel Kant Baltic Federal University in cooperation with the Faculty of Philosophy of the Lomonosov Moscow State University. All articles have been double-blind peer reviewed. They are published without translation into English.

УДК 1(091):165.12

РОЛЬ КАНТОВСКОЙ
«СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ»
В «НЕНОВОВРЕМЕННОМ»
ИССЛЕДОВАНИИ СОЗНАТЕЛЬНОГО
ОПЫТА

THE ROLE OF THE KANTIAN
“POWER OF JUDGMENT”
IN THE “NONMODERN”
STUDY OF CONSCIOUS
EXPERIENCE

А. А. Собка¹

A. A. Sobka¹

Одной из главных проблем современной философии сознания является дуализм перспектив от первого и от третьего лица – вопрос о том, является ли сознательный опыт публичным и эпистемически доступным или же он приватен и квалитативен. Признавая релевантность аргументов обеих сторон, натуралистов и антинатуралистов, я предпринимаю попытку разрешить эту дихотомию с помощью методологии Б. Латура на материале теорий И. Канта и М. Шлика. Для этого я намерен не редуцировать теорию сознания до одной из интерпретаций, а рассмотреть сознательный опыт в качестве «пограничного объекта» между сферами приватного и публичного, доступного и квалитативного, уникального и воспроизводимого. С помощью «практики перевода» я демонстрирую несостоятельность онтологий сознательного опыта, предлагаемых как натурализмом, так и антинатурализмом, а в качестве альтернативной теории сознательного опыта предлагаю «теорию пересечений», в которой утверждается, с

One of the major problems in contemporary philosophy of mind is the dualism of first-person and third-person perspectives – the question of whether conscious experience is public and epistemically accessible or private and qualitative. Recognising the relevance of the arguments of both sides, naturalists and anti-naturalists, I attempt to resolve this dichotomy using Bruno Latour’s methodology on the theories of Immanuel Kant and Moritz Schlick. To do so, I propose not to reduce the theory of consciousness to one interpretation, but to consider conscious experience as a “boundary object” between the spheres of the private and the public, the accessible and the qualitative, the unique and the reproducible. Through the “practice of translation” I demonstrate the failure of ontologies of conscious experience proposed by both naturalism and anti-naturalism, and propose an “intersectional theory” as an alternative theory of conscious experience that affirms, on the one hand, the uniqueness of the individual’s epistemic po-

¹ Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7 – 9.
Поступила в редакцию: 28.07.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-10

¹ Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.
7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, 199034, Russia.
Received: 28.07.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-10

одной стороны, уникальность эпистемической позиции индивида, а с другой — ее воспроизводимость и сообщаемость. Для обозначения онтологического статуса сознательного опыта я ввожу термин «интерсекциональная локальность». Следующим шагом я возвращаюсь к необходимой, по Латуру, «практике очищения» тех эпистемических зон, слияние которых было намечено ранее, что дает мне возможность признать интуицию, стоящую за дихотомией двух перспектив, в качестве легитимной и требующей концептуализации. Медиация позитивистской теории Шлика и трансценденталистской теории Канта позволяет представить перспективы от первого и от третьего лица в качестве двух эпистемических регистров, подчиненных позиции исторически конкретного сознательного субъекта. Перспективу от первого лица я трактую как рефлектирующую способность суждения, а перспективу от третьего лица — как определяющую способность суждения и устанавливаю связь между качественной интерпретацией феноменального опыта и эстетическим принципом рефлектирующей способности суждения. Я прихожу к выводу о том, что сознательный опыт в качестве предмета исследования является гибридным объектом и только проект «неновременной» науки позволит создать релевантную теорию сознания, не прибегающую к редукции.

Ключевые слова: сознание, философия сознания, способность суждения, интерсекциональность, И. Кант, М. Шлик, Б. Латур

sition and, on the other hand, its reproducibility and communicability. I introduce the term “intersectional locality” to denote the ontological status of conscious experience. In the next step, I return to the necessary (according to Latour) “practice of purification” of those epistemic zones whose fusion was outlined earlier, which allows me to recognise the intuition behind the dichotomy of the two perspectives as legitimate and requiring conceptualisation. The mediation of Schlick’s positivist theory and Kant’s transcendentalist theory allows us to present first-person and third-person perspectives as two epistemic registers, subordinated to the position of a historically specific conscious subject. I treat the first-person perspective as a reflective power of judgment, and the third-person perspective as a determinative power of judgment; doing so, I establish the connection between the qualitative interpretation of phenomenal experience and the aesthetic principle of the reflective power of judgment. I conclude that conscious experience as a subject matter of research is a hybrid object, and only the project of “nonmodern” science will make it possible to create a relevant theory of consciousness that does not resort to reduction.

Keywords: consciousness, philosophy of mind, power of judgment, intersectionality, I. Kant, M. Schlick, B. Latour

Введение

Одной из центральных проблем современной философии сознания является проблема нередуцируемости феноменального опыта, или проблема «квалиа» (см.: Гаспарян, 2015). Д. Деннет в работе «Объясненное сознание» сформулировал определение квалиа через четыре свойства сознательного опыта, к которым апеллируют антинатуралисты. Квалиа являются 1) невыразимыми, то есть недоступными для передачи другому в акте коммуникации; 2) присущими исключительно сознанию, то есть независимыми от реальных объектов; 3) приватными, то есть наблюдаемыми только из перспективы первого лица, доступными лишь для субъекта, который их переживает; 4) непосредственно воспринимаемыми, то есть данными сознанию таким образом, что способ представления феноменального опыта тождествен самому опыту, знание о нем является в то же время его переживанием (см.: Dennett, 1991).

Деннет сформулировал данное определение для того, чтобы продемонстрировать проблематичность характеристик сознательного опыта, выделяемых Т. Нагелем, Д. Чалмерсом (Нагель, 2001; Чалмерс, 2015) и другими антинатуралистами, и выдвинул аргументы в опровержение каждого из четырех свойств. Он делает акцент на том, что, несмотря на кажущуюся невыразимость и приватность феноменального опыта, мы способны обмениваться информацией о том, что переживаем и чувствуем, и даже передавать собственные ощущения посредством речи другому человеку, вызывая у него такой же или схожий феноменальный опыт. Присущность феноменального опыта исключительно сознанию и его непосредственность также сомнительны, поскольку наши переживания изменяются и модулируются под действием условий окружающего мира, будучи опосредованы процессами, протекающими в головном мозге.

И аргументы антинатуралистов, и контраргументы натуралистов в вопросе феноменального опыта по-своему резонны. Каждый из нас, с одной стороны, признает уникальность собственной эпистемической позиции, точки зрения, опыта, который не совпадает с опытом других и не может быть повторен, а с другой — понимает, что его опыт не только воспроизводим другими, но и передаваем в процессе коммуникации — в молодежном сленге это явление получило название *match* (совпадение намерений) и *soulmate* (родственная душа, взаимопонимание), хотя в качестве примера можно привести и более классические для русского языка понятия «сочувствие» (как со-чувствование, совместное переживание) и «сострадание» (как со-страдание, совместное претерпевание).

Несмотря на явное смешение на практике противоположных свойств сознательного опыта, на которые обращают внимание как натуралисты, так и антинатуралисты, само по себе смешение оказывается для исследователей недопустимым, заставляя и тех и других прибегать к редукции — либо редукции к особенности феноменального опыта в ущерб его всеобщности и традируемости, либо редукции к сообщаемости сознательного опыта в ущерб его качественности. Представляется, что прояснение возможности как смешения, так и различия различных свойств сознательного опыта может служить ключом к решению проблемы.

Именно потому при рассмотрении указанной проблемы будет конструктивной апелляция к установке Б. Латура, представленной в работе «Нового времени не было» и предполагающей анализ двух совокупностей научных практик: практик «перевода», посредством которых образуются такие смешения, в которые входят существа совершенно нового типа, гибриды; и практик «очищения», посредством которых создаются две совершенно различные онтологические зоны. «Нововременным», по Латуру, является тот, кто рассматривает эти два типа практик отдельно, кто признает значимым только проект критического «очищения», хотя в действительности этот проект развивается лишь за счет размножения гибридов. «Ненововременным» является тот, кто направляет внимание одновременно на работу «очищения» и на работу «перевода» и обнаруживает, что Нового времени никогда не было — гибриды существовали всегда, даже если исследователи игнорировали их существование (Латур, 2006, с. 70–73). В этом смысле антинатуралистические и натуралистические теории сознания являются нововременными, поскольку стремятся не раскрыть и объяснить гибридный характер феноменального опыта, а критически очистить его либо от примесей метафизики, либо от примесей эмпирической реальности.

Целью этого исследования является рассмотрение сознательного опыта в качестве «пограничного объекта» между натурализмом и антинатурализмом с использованием установки Латура в качестве методологии. Для этого мы:

1. Рассмотрим легитимность постановки вопроса о двух эпистемических перспективах и способе ответа на него, опираясь на работы Д. Деннета, Б. Латура, П. Фейерабенда и К. Креншоу. При этом будет раскрыта возможность «практик перевода» между двумя перспективами.

2. Определим различие между двумя типами сознательного опыта — достоверным и гипотетическим, опираясь на работу «О фундаменте познания» М. Шлика. При этом речь будет идти о возможности «практик очищения» между теми же перспективами.

3. Установим место и роль сознательного опыта в «Критике способности суждения» И. Канта, соотнеся концепцию Канта с теорией Шлика. При этом отправной моделью для исследования будет служить следующая схема:

Первый парадокс

Сознательный опыт не совпадает с опытом эмпирически конкретной реальности: он качественен и доступен только субъекту сознания, который этот опыт переживает.

Субъект сознания является частью эмпирически конкретной реальности, а значит, он имманентен и познаваем в опыте.

Второй парадокс

Сознательный опыт является опытом эмпирически конкретной реальности: он воспроизводим и доступен всякому субъекту сознания.

Субъект сознания превосходит эмпирически конкретную реальность, являясь условием ее возможности, а значит, он трансцендентален и непознаваем в опыте.

Конституция

Первая гарантия: хотя мой сознательный опыт качественен и недоступен другим субъектам сознания, он существует так, как если бы мы могли его воспроизводить и передавать.

Вторая гарантия: хотя субъект сознания является частью эмпирически конкретной реальности, он существует так, как если бы он эту реальность превосходил и обуславливал.

1. Перспективы от первого и от третьего лица: гибридизация

Идея пограничных объектов была введена С.Л. Стар и Дж.Р. Гриземером для описания специфических объектов, которые «населяют несколько пересекающихся социальных миров и удовлетворяют информационные потребности каждого из них. <...> Они имеют разное значение в разных социальных мирах, но их структура достаточно общая для более чем одного мира, чтобы сделать их узнаваемыми, средством перевода» (Star, Griesemer, 1989, p. 393). Проблема сознательного опыта является пограничным объектом не только для натурализма и антинатурализма как направлений философии сознания, но и для эстетики, имеющей дело с чувственным опытом; методологии науки, работающей с элементарными перцепциями; психологии, рассматривающей феноменальную жизнь человека; квантовой физики, исследующей эффект наблюдателя, и пр. Здесь стоит задать вопрос: есть ли окончание у этого списка и не является ли сознательный опыт пограничным объектом между всеми сторонами нашего существования? Ответ на него зависит от решения проблемы двух эпистемических перспектив — перспективы от первого лица и перспективы от третьего лица.

Существует ли такой опыт, который мы можем удостоверить в перспективе от третьего лица, то есть опыт, который не является феноменальным? И что вообще означает этот термин? Понятие перспективы от третьего лица, введенное в философию сознания Деннетом, предполагает возможность занять такую эпистемическую позицию в отношении сознания и ментальных процессов, которая не нуждалась бы в учете субъективного опыта познающего, при этом оставаясь достаточной для исследования. Это означает, что мы можем изучать и описывать ментальные состояния, не обращаясь к индивидуальным переживаниям субъекта, а опираясь на объективные наблюдения. Перспектива от третьего лица близка установке позитивизма, утверждавшего, что эмпирические данные являются достаточным основанием для построения единого языка наблюдений и универсальной научной теории. Данная позиция стала объектом критики в постпозитивистской философии науки. Так, Пол Фейерабенд в работе «Реализм, рационализм и научный метод» утверждал, что чистый «протокольный язык» принципиально невозможен, поскольку опыт дан субъекту познания исключительно в теоретическом отношении к нему. «Экспериментальные свидетельства состоят не из чистых и незамутненных фактов, а из фактов проанализированных, смоделированных и изготовленных согласно некоторой теории» (Feyerabend, 1981, p. 61). Ученый подходит к предмету своего исследования, имея представление, какими методами он пользуется, какого рода результаты он может получить и что тот или иной результат будет значить для его картины мира. Тезис позитивистов был перевернут: теперь теория добилась приоритета над экспериментом и наблюдением, а явления оказались изменчивыми при переходе от одной теории к другой. Рассуждения Фейерабенда позволяют сделать важные для философии сознания выводы.

Отношение субъекта к сознанию двояко. С одной стороны, это отношение эпистемическое — между познающим и познаваемым, субъектом познания и сознанием как исследовательской темой. С другой — это отношение сознательное, отношение между сознающим и познаваемым, субъектом сознания и сознанием как феноменальным опытом. Как первое, так и второе отношение «не просто нагружены теорией... но являются насквозь теоретическими» (Ibid.). В первом случае под теорией следует понимать исторически конкретную исследовательскую схему, в которую ученый пытается вписать проблему сознания, во втором — исторически конкретное и особым образом размеченное содержание жизни, в которое всякий субъект вписывает собственный сознательный опыт. Тезис постпозитивизма о неэлиминируемости субъективной позиции из познавательного отношения к миру может быть экстраполирован на проблему «сознательного» отношения к миру, но не тем способом, которым это делает антинатурализм, прибегая к определению качественности, а тем, который присущ, к примеру, интерсекциональному анализу в гендерной социологии, рассматривающему опыт конкретного человека как множественный, находящийся на пересечении различных типов социального неравенства.

Таким образом, тезис о существовании эпистемической перспективы от третьего лица, не требующей учета ни фигуры субъекта, ни субъективного характера всякого опыта, нерелевантен. М.А. Секацкая пишет об этом так: «...каков бы ни был онтологический статус сознания и тела, наблюдаем мы их одинаково — изнутри. Мы вообще все наблюдаем “изнутри” сферы сознания, на чем и основывали свои философские теории столь различные мыслители, как Джордж Беркли, Дэвид Юм и Эдмунд Гуссерль» (Секацкая, 2015, с. 188). Вернемся к вопросу, поставленному в начале этого пункта. Перспективы от третьего лица не существует. Является ли тогда сознательный опыт

пограничным объектом между всеми сторонами нашего существования? Да, в таком случае можно говорить о том, что сознательный опыт опосредует всякое отношение сознательного субъекта к миру. Значит ли это, что перспектива от первого лица в том виде, в котором она представлена антинатуралистами, подтвердила свою релевантность? Конечно, нет. Несмотря на то что в отношении с миром мы вступаем из единственной доступной нам эпистемической позиции — из позиции собственной жизни, исторически и физически конкретной, это еще не доказывает ее приватность и изолированность от жизни и опыта других людей.

Выше мы отметили, что интерсекциональный анализ предлагает альтернативный способ интерпретации уникальности сознательного опыта в терминах множественности и пересечения. Обратимся к данному направлению феминистской эпистемологии, чтобы продемонстрировать, что перспектива от первого лица необязательно связана исключительно с качественными определениями сознательного опыта. Термин «теория пересечений» был впервые введен Кимберли Креншоу в работе «Демаргинализация пересечения расы и пола». Креншоу утверждала, что опыт чернокожих женщин не является универсальным, поскольку не сводится к простой сумме их гендера и расы (см.: Crenshaw, 1989). Напротив, всякий опыт является партикулярным и контекстуальным, поскольку обусловлен уникальной комбинацией характеристик индивида — от возраста и сексуальности до классовой принадлежности и особенностей здоровья, причем процесс сигнификации человеческих различий бесконечен. Опыт никаких чернокожих женщин не может совпадать — каждая из них обладает уникальной эпистемической позицией, обусловленной бесконечным числом отношений господства и подчинения, в которые она интегрирована. Общество разделено на множество интерсекциональных локальностей — сегментов социального пространства, образованных пересечением различных осей социального разделения (Здравомыслова, Тёмкина, 2015, с. 61–70).

Феминистская эпистемология, с одной стороны, делает акцент на том же, на что обращает внимание антинатурализм, — на уникальности сознательного опыта конкретного субъекта, а с другой — лишает его приватности, непосредственности, невыразимости и присущности исключительно сознанию. Опыт не приватен потому, что к нему имеют эпистемический доступ представители твоей социальной группы (люди такого же пола, возраста или расы). Не непосредственен он потому, что производится в процессе коммуникации, опосредуясь отношениями власти, в которые человек включается (человек с ОВЗ приобретает опыт инвалида только тогда, когда подвергается травле). Не невыразим он потому, что служит материалом для политических и научных проектов, учитывающих этот опыт и на его основе строящих стратегии развития. Наконец, он не присущ исключительно сознанию, поскольку завязан во властные отношения с материальным миром не меньше, чем с миром социальным (женский опыт производится не только посредством гендерной дискриминации, но и через вполне физиологические процессы вроде менструации). Таким образом, в рамках интерсекционального анализа можно говорить одновременно о нередуцируемости сознательного опыта и его сведении к коммуникативным практикам, о его уникальности и конструктивистской воспроизводимости, то есть о смешении двух позиций первого и второго лица. Почему эта версия эпистемической установки представляется более релевантной, чем та, которую предлагают антинатуралисты? Потому что сознательный опыт при всей своей уникальности остается имманентным миру, не нуждаясь в дополнительном уровне реальности и сохраняя тем самым ее онтологическую однородность.

2. Достоверность и гипотетичность сознательного опыта: «очищение»

В предыдущем пункте было продемонстрировано, что не существует отдельно ни перспективы от третьего лица в ее объективном отношении к миру, ни перспективы от первого лица в ее претензии на изолированность и независимость от реальности. Существует единственная эпистемическая позиция — позиция локализованного в пространстве и времени субъекта, чей сознательный опыт формируется на пересечении разного рода властных отношений, под которыми понимаются отношения как с социальными, так и с материальными агентами. Таким образом мы отказались от представления дихотомии двух перспектив в рамках теории сознания. Однако важно различить теорию как систему положений, претендующих на общезначимость, и интуицию, на которой теория основана и которая не утверждает свою общезначимость, а всего лишь указывает на важность учета определенного различия в рамках какой бы то ни было теории. Наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы усмотреть смысл этого различия и вновь обратиться к «практике очищения» после жеста смещения, или гибридации, проделанного нами в предыдущих пунктах. Интуиция двух эпистемических перспектив отсылает нас к различению двух типов опыта — опыта, о котором очень трудно что-либо сказать кроме того, что он является абсолютно достоверным, и опыта, который легко передать, но который всегда оказывается гипотетическим, то есть предполагаемым и потенциально опровергаемым. На данное различие обращал внимание Сол Крипке, утверждая, что, поскольку боль очевидна для нашего сознания и мыслима в отрыве от всякого явления реального мира, связь между болью и физической реальностью не является необходимой, в то время как понятие материального тела является жестким десигнатором для самого тела, а значит, связано с ним отношением необходимости (см.: Иванов, 2013, с. 21–26).

Наиболее последовательный анализ данной интуиции провел М. Шлик в работе «О фундаменте познания». Занимаясь поиском абсолютно достоверного основания науки, он анализировал два типа предложений, претендующих на такой статус (см.: Шлик, 1993). Предложения первого типа, протокольные, выражают факты абсолютно просто, без какого-либо искажения. К примеру: «Андрей Борисович 24 мая 2023 года, будучи в Санкт-Петербурге, наблюдая за звездным небом, увидел в телескоп модели №6879 летающую тарелку, светящуюся зеленым светом». Это протокольное предложение, содержащее указание на конкретные обстоятельства совершённого наблюдения и ясные эмпирические свидетельства. Протокольные предложения являются элементарными частицами научного знания, из которых должны строиться «универсальные» предложения той или иной науки. Шлик обращает внимание на то, что протокольные предложения на самом деле ничем не отличаются от любых других предложений науки, поскольку не исключают принципиальную возможность ошибки, а значит, потенциально опровержимы. К примеру, Андрей Борисович вполне мог ошибиться, приписав неопознанному летающему объекту форму диска, и не учесть, что зеленый свет является следствием светового загрязнения неба в большом городе. Само упоминание о восприятиях, которое необходимо присутствует в протокольных предложениях, опосредует полученное знание и лишает его абсолютной достоверности, поскольку наблюдение всегда совершается кем-то, где-то и когда-то. Таким образом, протокольные предложения суть всего лишь гипотезы, которые могут быть при определенных обстоятельствах подтверждены или опровергнуты.

Второй тип предложений Шлик называет предложениями констатации, или предложениями наблюдения. Предложения констатации, в отличие от протокольных предложений, нельзя записать, поскольку они содержат информацию о том, что субъект сознания воспринимает непосредственно в момент речи. Обычно такие предложения сопровождаются демонстративными терминами или жестами указания, которые при записи теряют свое значение. «Смотрите, летающая тарелка!» — данная констатация не имеет смысла вне контекста ее производства, в котором она обладает абсолютной достоверностью и очевидностью. Если мы заменим демонстратив «смотрите» на обстоятельства места и времени и введем субъекта констатации, то мы опосредуем смысл самого предложения, лишив его достоверности и превратив таким образом в обычное протокольное предложение.

Для Шлика важность предложений констатации состояла в том, что они образуют достоверный и общезначимый фундамент науки, выходящий в то же время за границы научного познания. Наука представляет собой систему гипотетических положений, протоколов, выдвигаемых на основании предложений констатации, которые являются «абсолютно фиксированными точками встречи» познания и реальности. Причем констатации играют двоякую роль в процессе познания, встречаясь с реальностью как минимум два раза. Первая встреча побуждает человека сформулировать гипотезу о некотором положении дел в мире, а вторая проверяет, верифицирует выдвинутую гипотезу. К примеру, на основании вышеуказанного протокольного предложения ученый-астроном формулирует следующее научное предсказание: «Если вы уедете из Санкт-Петербурга в Ленинградскую область и посмотрите на небо через более точный телескоп, то увидите, что данный НЛО является планетой Сатурн и светится он вовсе не зеленым, а белым светом». Тогда Андрей Борисович едет в Ленинградскую область за новым предложением констатации, ставит телескоп и выкрикивает: «И правда, смотрите, Сатурн!» В этот момент произошла вторая встреча Андрея Борисовича с реальностью, которая верифицировала гипотезу, выдвинутую ученым-астрономом, и опровергла протокольное предложение, сформулированное на основании первой констатации. Однако эта первая констатация «Смотрите, летающая тарелка!» не потеряла свою достоверность, поскольку в контексте своего производства осталась очевидной и неоспариваемой.

Какие важные для философии сознания выводы позволяет сделать работа Шлика? Предложения констатации явным образом отражают интуицию перспективы от первого лица. Констатации связаны с феноменальным опытом и существуют постольку, поскольку остаются непосредственными и ускользают в тот момент, когда мы пытаемся их объективировать. В то же время констатации не отвечают характеристикам квалиа, поскольку не противопоставляют себя реальному миру, а являются, наоборот, единственно возможными «точками встречи» реальности и субъекта. Можно было бы сказать, что констатации являются также приватными, но тогда теряется всякий смысл второго жеста их актуализации, их верификационной функции. Шлик переворачивает всё с ног на голову: вместо того, чтобы свидетельствовать о несводимости сознания к эмпирическому миру, квалиа становятся единственными инструментами, осуществляющими доступ к этому эмпирическому миру. Причем этот доступ обладает характером абсолютной достоверности, которая позволяет из раза в раз фальсифицировать нерелевантные научные теории, какими бы законченными и правильными они нам ни казались. Сочетание публичности и абсолютной достоверности не является противоречивым, поскольку может свидетельствовать лишь о недостаточности выдвинутой гипотезы, а не о неправильности данных опыта.

Протокольные предложения, в свою очередь, отражают интуицию перспективы от третьего лица. Протоколы опосредуют предложения констатации путем включения непосредственных наблюдений в контекст их производства, тот самый эмпирически конкретный контекст сознательного субъекта, обстоятельств места, времени и условий. Здесь следует обратить внимание на то, что никакой готовой объективной значимостью Шлик протокольные предложения не наделяет. Наоборот, протокольные предложения, сформулированные из позиции индивида, а не с позиции какого-то третьего лица, являются всего лишь гипотетическими, потенциально ошибочными, но зато легко передаваемыми в коммуникации. Самое главное, что протоколы и констатации не являются эпистемически различенными, а значит, не образуют удвоенную онтологию: протокольные предложения — это модификаторы, снабжающие предложения констатации контекстом их производства. Иными словами, переход от достоверного сознательного опыта к гипотетическому сознательному опыту происходит тогда, когда мы рассматриваем констатацию как констатацию индивида, когда вспоминаем о том, что сознательный опыт конкретен в своем контексте. Именно забвение собственной гипотетичности рождает иллюзию абсолютной достоверности феноменального опыта, что позволяет нашему сознанию, подобно языкам пламени, соприкоснуться с реальным миром и тут же его поглотить, вспомнив о своей гипотетичности и вписав опыт в протокольное предложение.

3. Предложения констатации между определяющей и рефлектирующей способностью суждения: легитимация

Как же все-таки теоретически упорядочить интуиции перспектив от первого и от третьего лица, легитимность которых мы признали? Работа Шлика предоставляет возможность рассматривать перспективы от первого и от третьего лица не как две эпистемические установки, продуцирующие разные онтологии, а как два регистра или жеста единственной эпистемической установки исторически конкретного субъекта. Чтобы понять, в чем состоит различие данных регистров, обратимся к работе Иммануила Канта «Критика способности суждения» (1790). Способность суждения Кант определяет в качестве способности мыслить особенное как подчиненное общему и относит к одной из трех законодательных способностей наравне с рассудком и разумом (AA 05, S. 98; Кант, 1994а, с. 50). Если рассудок и разум образуют два независимых друг от друга царства, царство природы и царство свободы, то способность суждения собственного предметного поля не имеет. С одной стороны, она является медиатором, мостом между рассудком и разумом, соединяя две автономные сферы, а с другой — действует как подчиненная способности рассудка, способность познавательная, имеющая отношение к царству природы. Эта двойственность возникает в силу того, что способность суждения имеет два регистра, два способа осуществления — рефлектирующий и определяющий.

В качестве определяющей способности суждения срабатывает тогда, когда общее (правило, принцип, закон), под которое необходимо подвести особенное, уже дано. Это чисто познавательная функция способности суждения, которая делает возможным применение чистых рассудочных понятий к явлениям вообще (A 192 / B 254; Кант, 1994б, с. 123). К примеру, вы пробуете некоторый продукт на вкус, заранее зная, что это шоколадное мороженое. Неважно, откуда вы получили

информацию о том, что это шоколадное мороженое, — она могла поступить от вашего друга, который назвал данный продукт шоколадным мороженым, или вызваться через цепь произвольных ассоциаций при первом взгляде на предмет. Самое главное, что перед тем, как вы попробуете его на вкус, вы будете иметь заранее заданное представление об общем (о свойствах и качествах шоколадного мороженого), под которое должно попасть особенное, феноменальное восприятие вкуса. Что произойдет после того, как вы его попробуете? Вы испытаете ощущения, которые либо совпадут с вашим предварительным знанием о шоколадном мороженом, и вы убедитесь в том, что не ошиблись, подводя данное особенное под предданное общее, либо не совпадут, и тогда вы поймете, что ошибочно подводили этот предмет под заранее сформированное представление о нем. Например, вы определите, что перед вами вовсе не шоколадное мороженое, а ванильное. Здесь нужно учитывать и перформативную силу вашего предрассудка, который может исказить и трансформировать характеристики особенного опыта, но мы на время опустим прагматический аспект коммуникации и обратим внимание лишь на сходство определяющей способности суждения Канта и второго типа предложений констатации Шлика. Если определяющая способность суждения логически соотносит особенное с предзаданным общим, то предложения констатации устанавливают соответствие между конкретно опытным и выдвинутой относительно этого опытного гипотезой. Кант, в отличие от Шлика, не развивает мысль о том, что частный случай применения определяющей способности суждения может быть более или менее успешным в зависимости от степени сопротивления предмета заданной теоретической рамке. Именно эта степень сопротивления реального мира, вещей самих по себе, аффицирующих нашу чувственность, обуславливает верификацию или фальсификацию операции определения. Тем не менее концептуальный ход обоих мыслителей схож, а теория Шлика, созданная в контексте логического эмпиризма, значительно обогащает наше представление об определяющей способности суждения, принадлежащей идеалистическому течению немецкой философии.

Если определяющая способность суждения всегда отталкивается от того, что общее в некотором виде дано, и пытается с большей или меньшей степенью успешности подвести особенное под это общее, то рефлектирующий регистр способности суждения включается в той ситуации, в которой дано только особенное и не дано общее, и тогда мы вынуждены мыслить особенное так, как *если бы оно было* подчинено общему. Причем принцип рефлектирующего полагания не может быть взят извне, как это делает определяющая способность суждения, опуская подробности того, на каких основаниях мы преддицируем то или иное общее, то есть тот или иной закон, в отношении особенного. Принцип рефлектирующей способности суждения полагается ей самой и называется Кантом принципом целесообразности без цели. Целесообразность означает связность и единство, сообщаемое сознательному опыту, а отсутствие цели предполагает отсутствие предварительного общего, под которое данное единство подводится. Представьте, что вы пробуете нечто с закрытыми глазами, причем вам не сказали, как эта вещь называется, то есть вы не обладаете информацией о том, как требуется определить ваш феноменальный опыт. Вы ощущаете ледяное, молочное и сладкое, но не имеете представления о том, что это такое. Вы мыслите агрегат ощущений как связный и целый, придавая ему некоторую упорядоченность и внутреннюю целесообразность. Вы начинаете отмечать вкусовые оттенки и их сочетание друг с другом, текстуру, плотность, терпкость, мягкость и множество других параметров, которые предстают связанными друг с другом как целое, но целое, все еще не опознанное. Кант отмечает, что, ког-

да мы обнаруживаем подобное систематическое единство, мы испытываем радость от существования единства, хотя мы и «не можем ни усмотреть, ни доказать его» (АА 05, S. 110; Кант, 1994а, с. 55). Включается фундаментальная способность души, которую Кант называет чувством удовольствия и неудовольствия, или благорасположением. Это чувство составляет эстетическое отношение к сознательному опыту и на первый взгляд не имеет никакого отношения к познанию, поскольку не говорит о реальных качествах предмета, а выражает нечто вроде эмоционального переживания от его восприятия. Однако Кант полагает, что без чувства удовольствия «не был бы возможен даже самый обычный опыт». Чувство удовольствия смешалось с познанием и перестало нами замечаться, поскольку мы перешли от рассмотрения простейшего опыта к постижению природы и ее единства в делении на роды и виды. Тем не менее в момент первого знакомства с предметом это удовольствие, даже восхищение, несомненно существовало, причем, отмечает Кант, это восхищение возможно сохранить даже тогда, когда вы достаточно знакомы с предметом (АА 05, S. 118; Кант, 1994а, с. 58).

Интуицию эстетического переживания феноменального опыта разделяет и Шлик, только он называет это чувство «особого рода удовлетворением», которое «приходит в тот самый момент, когда имеет место констатация, когда делается утверждение наблюдения» (Шлик, 1993, с. 45). Понятие удовлетворения связывается им с непосредственностью нашего восприятия, с пребыванием в моменте настоящего и радостью от того, что мир является эпистемически доступным прямо здесь и сейчас. Шлик полагает, что удовлетворение есть истинная миссия предложений констатации, стимул, побуждающий субъекта к выдвиганию гипотез и их опровержению. Практически одинаковая трактовка Шликом и Кантом роли эстетического отношения к сознательному опыту в процессе познания заставляет обратить внимание на сходство рефлектирующей способности суждения и первого типа предложений констатации. Если рефлектирующая способность суждения выстраивает структуру сознательного опыта так, как если бы она подводилась под некоторое целое, несмотря на его отсутствие, то предложения констатации при первом знакомстве с предметом схватывают феноменальный опыт так, как если бы он формировал общезначимое утверждение, несмотря на то что этого не происходит. Обе концепции рассматривают способ осуществления особенного до полагания общего, под которое это особенное должно быть подведено. Этот способ оказывается связан одновременно с эстетическим отношением, чувством удовольствия и неудовольствия, и познавательным отношением, аккумуляцией данных о предмете опыта. Актуальность гибридизации эстетического и эпистемического отношений подчеркивает сам Кант: «Ибо хотя сами по себе они [эстетические суждения] ничего не дают для познания вещей, они все-таки принадлежат только познавательной способности и свидетельствуют о непосредственном отношении этой способности к чувству удовольствия и неудовольствия...» (АА 05, S. 72; Кант, 1994а, с. 39). Подтверждение этого тезиса мы найдем в многочисленных примерах, которыми изобилует современная философия сознания. Феноменальный опыт восприятия шоколадного мороженого, яблока, красного цвета, облаков или боли при ближайшем рассмотрении оказывается связан с эстетическим или квазиэстетическим переживанием. Определение переживания можно расширить до квазиэстетического, поскольку оно связано с чувственной оценкой предметов сознательного опыта, но не ограничивается категориями прекрасного и безобразного, вкусного и невкусного, а включает в себя такие оппозиции, как *больно и не больно*, или «именно вот такое мое красное» и «именно вот такое твое красное».

Рефлектирующая способность суждения в момент формирования элементарных опытных данных вызывает у субъекта познания (квази)эстетическое переживание, обусловленное целесобразным взглядом на вещи в ситуации отсутствия общего положения о них. Но имеет ли рефлектирующая способность суждения позитивную ценность для процесса познания? На этот вопрос Кант отвечает, рассматривая еще один вид рефлектирующей способности суждения, а именно телеологический. Если эстетические суждения при всей своей ценности носят субъективный характер и только косвенно участвуют в процессе познания, то телеологические суждения обладают уже объективным характером и непосредственным образом относятся к познанию, являясь условием его возможности (см.: Разеев, 2008). Рефлектирующая способность суждения в ее телеологическом аспекте рассматривает многообразие особенного так, как если бы оно было подчинено общему принципу, и полагает этот принцип не как отвлеченно эстетический, связанный с оценкой, а как собственно познавательный, усматривающий каузальное единство в явлениях природы и производящий общезначимые позитивные положения о мире на основании предполагаемой причины. Объективный характер телеологических суждений состоит не в том, что они являются истинными суждениями о мире, а в том, что они составляют важнейший закон познания природы, который Кант назвал «законом спецификации природы». Телеологический принцип способности суждения устанавливает не закон природы, а закон нашего рассуждения о природе в ситуации, когда мы не обладаем общим положением о ней, а значит, не способны воспользоваться определяющей способностью суждения (см.: Разеев, 2010). Сравнивая теории Канта и Шлика, можно сказать, что телеологические суждения совершают перевод первых предложений констатации на гипотетические предложения посредством осознания недостоверности феноменального опыта и утверждения его как общезначимого. Феноменальный опыт лишается достоверности, поскольку включается в контекст собственного производства, а характер общезначимого приобретает потому, что подчиняется единому принципу посредством закона спецификации природы.

Мы рассмотрели, как интуиции перспектив от первого и от третьего лица могут быть теоретически реализованы в рамках единственной эпистемической позиции субъекта сознания. Если перспектива от третьего лица составляет определяющую способность суждения, то есть отношение к сознательному опыту через общезначимую гипотезу, то перспектива от первого лица представляет собой рефлектирующую способность суждения, которая схватывает сознательный опыт как единый в ситуации отсутствия общезначимого положения о нем. Причем рефлектирующая способность суждения состоит как в эстетическом отношении к опытным данным, вызывая чувственное переживание от их созерцания, так и в телеологическом отношении, вырабатывая на основе элементарного опыта общезначимые гипотезы. Соотнесение теории Канта с концепцией Шлика продемонстрировало, что такое представление эпистемических регистров, подчиненных единственно возможной позиции сознательного субъекта, необязательно приводит к субъективному идеализму. Предложения констатации, выражающие феноменальный опыт, являются «точками встречи» познания и реальности — начальной точкой рефлектирующих суждений и конечной точкой определяющих суждений. Исходя из абсолютной достоверности, данные сознательного опыта проходят через припоминание собственной гипотетичности и последующего забвения этой гипотетичности ради встречи с реальностью и верификации или фальсификации самих себя.

Заключение

В данном исследовании было продемонстрировано, что за видимой чистотой и очевидностью различения двух типов сознательного опыта, доступного и недоступного, лежит гибридный объект — объект, отвечающий как натуралистическому, так и антинатуралистическому представлению о сознании, но не терпящий редукции ни к одному из них. Значимость использования метода Латура в философии сознания состоит в том, что только последовательное применение практик «перевода» и «очищения» к объекту нашего исследования позволяет теоретически обосновать возможность онтологического совмещения противоречащих характеристик сознательного опыта — его нередуцируемости и сводимости к коммуникативным практикам, его уникальности и конструктивистской воспроизводимости. Теория Латура позволяет избежать редукционистской позиции и сформировать методологический фундамент для последующих исследований в области когнитивных наук и философии сознания. К примеру, такого же рассмотрения требует вопрос о свободе воли и детерминизме: оба представления основываются на корпусе весомых аргументов и толкуются, как правило, в качестве взаимоисключающих.

Второй важный вывод из этого исследования касается доказательства возможности конструктивного диалога между натуралистическим и антинатуралистическим направлениями в философии сознания. Соотнесение трансценденталистской теории Канта с позитивистской концепцией Шлика продемонстрировало, каким образом можно производить процесс теоретической медиации в рамках истории философии. Поиск общих мест и значимых для большинства исследователей акцентов — поиск того, что может объединять различные теории, а не только сталкивать их друг с другом, признание значимости практики «перевода» научных терминов наравне с «практикой очищения» через обращение к опыту ведет к созданию интердисциплинарного пространства, «зоны обмена» между самыми разными исследователями сознания, включающими не только философов, но и ученых-эмпириков (см.: Галисон, 2004). Метод Латура позволит нам стать «неновременными» и перестать заниматься исключительно вычищением наших теорий от метафизических или иных примесей, а начать налаживать действенную сеть научной коммуникации.

Третий и последний вывод касается вопроса о необходимости рассмотрения проблемы сознательного субъекта, парадоксальность которой была продемонстрирована на схеме в начале данного исследования. Конституция Нового времени гарантирует: хотя субъект сознания является частью эмпирически конкретной реальности, он существует так, как если бы он эту реальность превосходил и обуславливал. Проблема субъекта, субъективности и субъектности требует внимательного антропологического освещения через сопоставление с историко-философскими категориями нечеловеческого, несознательного, несвободного и неспособного; требует провести процедуру медиации между кантовским трансцендентализмом и гуссерлевской феноменологией, постфеноменологией и постгуманизмом, этикой животных и философией права. Полная теория сознания должна научиться оперировать инструментами «перевода» и «очищения» научных терминов и философских концепций

Список литературы

Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий / пер. с англ. В.А. Геровича // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.

Гаспарян Д. Э. Что значит быть трансценденталистом в современной аналитической философии сознания? // Эпистемология и философия науки. 2015. № 2. С. 146–165.

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии : учеб. пособие. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Иванов Д. В. Природа феноменального сознания. М. : Либроком, 2013.

Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. М. : Искусство, 1994а.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского, под ред. Ц. Г. Арзаканяна, М. И. Иткина; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М. : Мысль, 1994б.

Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб. : Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.

Нагель Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию / пер. с англ. А. Толстова. М. : Идея-Пресс, 2001.

Разеев Д. Н. «Критика способности суждения» Канта – сочинение по философии науки? // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2008. Т. 7, № 1. С. 185–211.

Разеев Д. Н. Телеологический принцип познания в контексте «Критики способности суждения» Канта // Кантовский сборник. 2010. Вып. 1. С. 7–14.

Секацкая М. А. Исследование сознания в философии и когнитивных науках: почему трудная проблема сознания не нуждается в решении // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 185–194.

Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева. М. : Либроком, 2015.

Шлик М. О фундаменте познания / пер. с англ. А. А. Яковлева // Аналитическая философия: Избранные тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова. М. : Издательство МГУ, 1993. С. 33–50.

Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // University of Chicago Legal Forum. 1989. Vol. 1989, №1. P. 139–167.

References

Chalmers, D., 2015. *Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Moscow: Librokom. (In Rus.)

Crenshaw, K., 1989. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. *University of Chicago Legal Forum: Journal*, 1, pp. 139-167. <https://doi.org/10.4324/9780429500480-5>.

Dennett, D., 1991. *Consciousness Explained*. Edited by A. Lane. London: The Penguin Press.

Feyerabend, P., 1981. *Realism, Rationalism and Scientific Method: Philosophical Papers, Volume 1*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139171526>.

Galison, P., 2004. Exchange Area: Coordination of Beliefs and Actions. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Issues of the history of natural science and technology], 1, pp. 64-91. (In Rus.)

Gasparyan, D. E., 2015. What Does It Mean to Be a Transcendentalist in Contemporary Analytic Philosophy of Mind? *Epistemology & Philosophy of Science*, 2, pp. 146-165. <https://doi.org/10.5840/eps201544215>. (In Rus.)

Ivanov, D. V., 2013. *Priroda fenomenal'nogo soznaniya* [The Nature of Phenomenal Consciousness]. Moscow: Librokom. (In Rus.)

Kant, I., 1994a. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [The Critique of Judgment]. Moscow: Iskusstvo. (In Rus.)

Kant, I., 1994b. *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl'. (In Rus.)

Latour, B., 2006. *Novogo Vremeni ne bylo: Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern: An Essay on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Rus.)

Nagel, T., 2001. *Chto vse eto znachit? Ochen' kratkoe vvedenie v filosofiyu* [What Does It All Mean? A Very Short Introduction to Philosophy]. Moscow: Ideya-Press. (In Rus.)

Razeev, D. N., 2008. Kant's Critique of Judgment Is an Essay on Philosophy of Science? *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Thought. Journal of the St. Petersburg Philosophical Society], 7(1), pp. 185-211. (In Rus.)

Razeev, D. N., 2010. The Teleological Principle of Cognition in the Context of Kant's Critique of Judgment. *Kantian Journal*, 1, pp. 7-14. (In Rus.)

Dennett D. *Consciousness Explained* / ed. by A. Lane. L. : The Penguin Press, 1991.

Feyerabend P. *Realism, Rationalism and Scientific Method: Philosophical Papers*. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1981. Vol. 1.

Star S. L., Griesemer J. R. Institutional Ecology, 'Translations' and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–1939 // *Social Studies of Science*. 1989. Vol. 19, № 3. P. 387–420.

Об авторе

Александр Андреевич Собка, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: sobka.alexander@gmail.com

Для цитирования:

Собка А. А. Роль кантовской «способности суждения» в «неновременном» исследовании сознательного опыта // *Кантовский сборник*. 2023. Т. 42, № 4. С. 200–214.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-10

Schlick, M., 1993. *On the Foundation of Knowledge*. In: A. F. Gryaznov, ed. 1993. *Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty [Analytical Philosophy: Selected Papers]*. Moscow: MSU Press. (In Rus.)

Sekatskaya, M. A., 2015. The Study of Consciousness in Philosophy and Cognitive Sciences: Why the Hard Problem of Consciousness Does Not Need to Be Solved. *Voprosy filosofii*, 4, pp. 185-194. (In Rus.)

Star, S. L. and Griesemer, J. R., 1989. Institutional Ecology, "Translation" and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–1939. *Social Studies of Science*, 19(3), pp. 387-420. <https://doi.org/10.7551/mitpress/10113.003.0011>.

Zdravomyslova, E. A. and Tyomkina, A. A., 2015. *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii: uchebnoe posobie [12 Lectures on Gender Sociology: A Textbook]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Rus.)

The author

Aleksandr A. *Sobka*, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia.

E-mail: sobka.alexander@gmail.com

To cite this article:

Sobka, A. A., 2023. The Role of the Kantian "Power of Judgment" in the "Nonmodern" Study of Conscious Experience. *Kantian Journal*, 42(4), pp. 200-214. (In Rus.)

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-10>

© Sobka A.A., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))